

ТЮРЕМНАЯ СУБКУЛЬТУРА В КОНТЕКСТЕ ДИАЛЕКТИЧЕСКОЙ ТРИАДЫ**С. Б. Пономарев**Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний, Ижевск, Россия
e-mail: docmedsb@mail.ru**Г. М. Тихонов**Ижевский государственный технический университет им. М.Т.Калашникова, Ижевск, Россия
e-mail: gtichonov@list.ru

Аннотация. Статья содержит опыт социально-философского анализа феномена тюремной субкультуры. Актуальность данного исследования обусловлена наблюдающейся в последние десятилетия трансформацией традиционных ценностей базовой культуры общества под воздействием криминальной субкультуры, освоением ее новых социо-культурных пространств. Целью работы является анализ эволюции тюремной субкультуры с позиции ее взаимодействия с культурой общества в контексте диалектической триады «тезис-антитезис-синтез». Дано определение и описаны основные характерные черты тюремной субкультуры. Рассмотрены основные этапы ее эволюции в контексте взаимодействия с базовой культурой российского общества. Показано, что основными факторами, влияющими на метаморфозы тюремной субкультуры, являются: высокая численность осужденных, пребывание в советской пенитенциарной системе носителей пассивности, отрядная система содержания осужденных, неудачные итоги проведенного в 60-х годах XX века эксперимента по реформированию уголовно-исполнительной системы, негативные последствия экономических и социальных реформ 90-х годов. Отмечено, что в результате длительного культурогенеза тюремная субкультура приобрела следующие качества: 1) жесткая иерархичность социального строения тюремного сообщества с существованием страт «отверженных»; 2) наличие развитой системы тюремной мифологии, обычаев, символов и табу; 3) наличие «управляющего центра» в виде группы «воров в законе», а также – каналов передачи информации; 4) высокая адаптивность пенитенциарной субкультуры к внешним условиям; 5) наличие броской и привлекательной «воровской романтики» и «воровской идеологии»; 6) способность тюремной субкультуры к самовоспроизведению; 7) высокая степень сплоченности носителей тюремной субкультуры; 8) распространение норм тюремной субкультуры на большинство населения исправительных учреждений. В развитии тюремной субкультуры авторами выделено два цикла («большой» и «малый»). «Большой цикл» описывает глобальные взаимоотношения тюремной субкультуры и базовой культуры российского общества, «малый» – взаимодействие подверженных влиянию тюремной субкультуры коллективов осужденных и сотрудников исправительных учреждений. В обоих циклах выделены три этапа развития, характерных для диалектической триады. Практическая значимость работы заключается в осмыслении происходящих перемен с последующим принятием управленческих решений, направленных на нивелирование распространения норм тюремной субкультуры в обществе.

Ключевые слова: диалектическая триада, тюремная (пенитенциарная) субкультура, осужденные, уголовно-исполнительная система, контркультура, пенитенциарное пространство, базовая культура общества, социо-культурное пространство.

Для цитирования: Пономарев С. Б., Тихонов Г. М. Тюремная субкультура в контексте диалектической триады // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2021. – № 2. – С. 117–126. DOI: 10.25198/2077-7175-2021-2-117.

PRISON SUBCULTURE IN THE CONTEXT OF THE DIALECTIC TRIAD**S. B. Ponomarev**Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Izhevsk, Russia
e-mail: docmedsb@mail.ru**G. M. Tikhonov**Izhevsk State Technical University named after M. T. Kalashnikov, Izhevsk, Russia
e-mail: gtichonov@list.ru

Abstract. The article contains the experience of socio-philosophical analysis of the prison subculture phenomenon. The relevance of this study is due to the transformation of the basic culture of society traditional values under the influence of the criminal subculture, the development of its new socio-cultural spaces, observed in recent decades. The aim of the work is to analyze the evolution of the prison subculture from the perspective of its interaction with the culture of society in the context of the dialectical triad «thesis-antithesis-synthesis». The definition and the main characteristic features of the prison subculture are given. The main stages of its evolution are considered in the context of interaction with the basic culture of Russian society. It is shown that the main factors influencing the metamorphosis of the prison subculture are: the high number of convicts, the presence of passionarity in the Soviet penitentiary system, the detachment system of containing convicts, the unsuccessful results of the experiment carried out in the 60s of the twentieth century to reform the penal system, negative consequences economic and social reforms of the 90s. It is noted that as a result of long-term cultural genesis, the prison subculture has the following characteristics: 1) a rigid hierarchy of the social structure of the prison community with the existence of strata of «outcasts» 2) the presence of a developed system of prison mythology, customs, symbols and taboos 3) the presence of a «control center» as the group «Thieves in law», as well as channels of information transmission 4) high adaptability of the penitentiary subculture to external conditions 5) the presence of a catchy and attractive «thieves' romance» and «thieves' ideology» 6) the ability of the prison subculture to reproduce itself 7) a high degree of cohesion of prison carriers subcultures 8) the spread of the norms of the prison subculture to the majority of the population of correctional institutions. In the development of the prison subculture, the authors have identified two cycles («big» and «small»). The «big cycle» describes the global relationship between the prison subculture and the basic culture of Russian society, «small» – the interaction of collectives of convicts and staff of correctional institutions influenced by the prison subculture. In both cycles, three stages of development are distinguished, characteristic of the dialectical triad. The practical significance of the work lies in comprehending the ongoing changes with the subsequent adoption of managerial decisions aimed at leveling the spread of the norms of the prison subculture in society.

Key words: dialectical triad, prison (penitentiary) subculture, convicts, penal system, counterculture, penitentiary space, basic culture of society, socio-cultural space.

Cite as: Ponomarev, S. B., Tikhonov, G. M. (2021) [Prison subculture in the context of the dialectical triad]. *Intellekt. Innovatsii. Investitsii* [Intellect. Innovations. Investments]. Vol. 2, pp. 117–126. DOI: 10.25198/2077-7175-2021-2-117.

Введение

Российская тюремная (пенитенциарная) субкультура – это уникальный культурный феномен, не имеющий аналогов в иных странах мира. Известно, что любую субкультуру можно рассматривать как особую сферу культуры, самостоятельное целостное образование внутри господствующей культуры, отличающееся собственными ценностными установками, нормами и обычаями. Исходя из этих позиций, любая субкультура – это, прежде всего, целостная картина окружающего мира, разделяемая определенными социальными группами, проявляющаяся в виде норм поведения, стилях жизни, идеалах, жизненных ценностях, представлениях о смысле бытия [7]. Любая субкультура хотя и отличается от господствующей в обществе культуры, но неразрывно связана с ней.

В данной работе мы будем рассматривать тюремную субкультуру как особую форму организации людей, содержащихся в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы [23].

Для представителей той или иной субкультуры, с одной стороны, характерна самоидентификация (часто – по принципу отрицания принадлежности к официальной культуре), с другой – невозможность существования в отрыве от господствующей культуры, поскольку тюремная (и криминальная в целом) субкультуры являются вторичными по от-

ношению к доминирующей культуре общества.

Считается, что большинство существующих субкультур не являются антагонистическими по отношению к базовой культуре общества. Их культурный код формируется в рамках общей культуры, не претендуя на то, чтобы заместить господствующую культуру [7]. Однако существуют субкультуры, отрицающие ценности традиционной культуры (например, субкультуры готов, панков, наркоманов, сатанистов и т.п.). Ряд исследователей называет эти субкультуры контркультурами, т.е. субкультурами, которые находятся в конфликте с доминирующей культурой [2]. Именно к такой конфронтационной субкультуре относится тюремная (пенитенциарная) субкультура, которую можно охарактеризовать как деструктивную неформальную нормативно-ценностную систему [11].

Считается, что наиболее активное противодействие общей культуре оказывает криминальная субкультура (и ее «концентрированный вариант» – тюремная субкультура) [24]. Конфликт между базовой культурой и криминальной субкультурой представляет собой устойчивый криминогенный фактор. Особенностью криминальной субкультуры, как системы исторически развивающейся внебиологической программы, является обеспечение воспроизводства ее носителей и осуществление экспансии во внешнее культурное пространство.

Общеизвестно, что тюремная субкультура может рассматриваться как криминальная субкультура, распространенная среди лиц, содержащихся в местах лишения свободы. «Она отрицает официальные моральные принципы и нормы, негативно воздействуя на личность осужденного, криминализируя ее, стимулирует девиантное поведение, представляет механизм противодействия процессу исполнения наказаний, переносит асоциальный опыт и криминальные атрибуты за пределы мест лишения свободы» [1, с. 30].

На сегодня существует около 40 различных определений тюремной субкультуры [15]. Приведем некоторые из них.

И. В. Лысак и Ю. Ю. Черкасова рассматривают пенитенциарную субкультуру как подсистему целостной системы культуры общества, которая «представляет собой совокупность образа жизни, норм, ценностей, ритуалов, культурных артефактов, выработанных лицами, отбывающими наказание в учреждениях пенитенциарной системы» [8, с. 18]. С. И. Кузьмин и Е. А. Малетина определяют ее как «совокупность духовных и материальных ценностей, выраженных в неписанных, но охраняющихся нормах воровского закона, регламентирующего и упорядочивающего деятельность криминального сообщества» [6, с. 27]. А. И. Мокрецов и В. В. Новиков оценивают тюремную субкультуру как «относительно устойчивую совокупность специально выработанных принципов, правил и стандартов поведения, которые разделяются, поддерживаются значительным числом осужденных, детерминируют их активность и определяют положение а также степень влияния в среде ближайшего окружения (микросреде)»¹. Ю. Ю. Тищенко с соавторами приводят следующее определение пенитенциарной субкультуры: «пенитенциарная субкультура – это вид криминальной субкультуры осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы, формируемый в процессе вынужденного стремления приспособиться, самоутвердиться в сообществе, разделяющем отдельную систему ценностей, понятий, обычаев, регулирующих взаимоотношения между лицами, находящимися в местах принудительного содержания» [20, с. 5].

Декларируемые тюремной субкультурой ценности и стандарты поведения настолько противоречат нормам, принятым в человеческом обществе, что это позволяет расценивать тюремную субкультуру как альтернативную, конфронтационную базовой культуре общества субкультуру (контркультуру).

Для пенитенциарной субкультуры характерна «перевернутая», антисоциальная мораль: «По этой морали, не труд, а кража, грабеж, разбой – дело чести и доблести, всякое убийство – героический поступок, пьянка и дебош – высшая услуга, кайф, предмет сладостных воспоминаний, похвалы и зависти» [16, с. 98]. Члены тюремной страты «воров» признают лишь себя «настоящими» людьми, считая всех остальных лишь своеобразным «субстратом» для своих противоправных действий. Жульничество, тунеядство, паразитизм, сексуальные отклонения, отвращение к труду декларируются ими как обязательные правила поведения, преступления и злодеяния становятся доблестью и заслугой [14]. «Чувство гражданского долга подменяется понятием долга воровского, товарищество – круговой порукой, дружба – преданностью лидеру или преступной группе («воровской семье») и т. п.» [9, с. 252].

Считается, что тюремная субкультура значительно отличается от других субкультур тем, что она сформировалась в особых условиях: в рамках закрытого, изолированного от общества социального пространства [4]. В обстановке социальной изоляции формируются специфические для мест лишения свободы нормы поведения, мировосприятие, язык, обычаи и мифология. Поэтому тюремная субкультура является наиболее маргинальной из всех существующих субкультур. [8]. Ее характеризуют тайный характер, негативное отношение к официально установленным требованиям; существование специфических символов, условностей, стратификация [10].

Фазы эволюции пенитенциарной (тюремной) субкультуры

Мы выделяем три фазы развития тюремной субкультуры в России, исходя из особенностей ее взаимодействия с традиционной культурой общества [13], которые в общем виде соответствуют трем фазам гегелевской диалектической триады.

В начале своего бытия (дореволюционная Россия – первая половина XX века) тюремная субкультура зародилась и долгое время существовала латентно, исключительно в среде профессиональных преступников, имея слабое воздействие на традиционную культуру общества. В эту фазу начинает происходить вычленение и самоидентификация тюремной субкультуры. Определяя наказание для совершивших преступные деяния граждан, государство способствует, тем самым, их концентрации на ограниченной, замкнутой территории, потенци-

¹ Мокрецов А. И., Новиков В. В. Личность осужденного: социальная и психологическая работа с различными категориями лиц, отбывающих наказание/ Учебно-методическое пособие Издание 2-е, исправленное. – М. НИИ ФСИН России, 2006. – С. 34.

руя формирование устойчивых связей между преступниками, отбывающими наказание, появление определенных ритуалов, норм взаимоотношений, правил поведения, выработку системы символов и тюремных мифов и т. п.

Первая фаза развития пенитенциарной субкультуры нашла свое отражение в дошедших до нас документах и литературных произведениях, посвященных тюремной жизни. В первую очередь, это «Записки из мертвого дома» Ф. М. Достоевского и «Архипелаг ГУЛАГ» А. И. Солженицына. Существует многотомное собрание работ М. Н. Гернета, дающее всестороннюю характеристику царской тюрьмы. Существует обширная мемуаристика: воспоминания А. Т. Марченко, В. Т. Шаламова, Л. Э. Разгона, Е. С. Гинзбург, В. К. Буковского и др. Во всех этих источниках отсутствуют упоминания о приметах, ставших неотъемлемой частью современной тюремной субкультуры. В них нет информации о существовании тюремных каст: «авторитетах», «ворах в законе», «обиженных», «чертях», «козлах», «петухах» и т. п. Нет данных о ритуале «опускания» как специфической части тюремного культурного феномена. Таким образом, «во времена В. Т. Шаламова и А. И. Солженицына, положения тюремного закона распространялись преимущественно на группу профессиональных преступников, которые считали себя «людьми», а всех остальных «нелюдями» [13, с. 68].

Имеющиеся архивные материалы свидетельствуют о том, что в начальной фазе развития пенитенциарной субкультуры отмечается наличие четкой границы между группой «жиганов» (впоследствии – т. н. «блатных») и остальной массой арестантов [13]. Как было сказано, данный период начался в дореволюционное время и продолжался до середины XX века.

На протяжении второй фазы своего развития возросшая и окрепшая в недрах пенитенциарной системы тюремная субкультура стала постепенно и последовательно проявлять себя как агрессивная, высокоупорядоченная и организованная контркультура, символ прямого и жесткого отрицания норм и правил господствующей в обществе культуры. При этом отмечается как качественная, так и количественная ее трансформация. Качественная трансформация заключается в появлении специфических тюремных обычаев, ритуалов, табу, делении арестантов на касты, развитии и закреплении т. н. «воровской идеологии». Количественная трансформация проявляется в том, что обычаи тюремной субкультуры распространяются на все тюремное население, пропитывают все социальные отношения в пенитенциарном пространстве.

В результате произошедшей эволюции российской пенитенциарной субкультуры, начиная со второй половины XX века, для нее характерны:

- 1) жесткая иерархичность социального строения тюремного сообщества с существованием страт «неприкасаемых»: «опущенных» и «чертей»;
- 2) наличие развитой системы символов, табу, обычаев, тюремной мифологии;
- 3) наличие «управляющего центра» в виде группы «воров в законе», а также – эффективных каналов передачи информации и приказов;
- 4) высокая адаптивность пенитенциарной субкультуры к меняющимся внешним условиям;
- 5) наличие стройной и внешне привлекательной «воровской идеологии», «воровской романтики», «кодекса поведения вора», способность представителей пенитенциарной субкультуры следовать «идеальным» нормам и образам;
- 6) способность к репликации социальных паттернов поведения, передаче тюремных правил и обычаев новым поколениям сидельцев;
- 7) высокая степень консолидации носителей тюремной субкультуры;
- 8) распространение норм тюремной субкультуры на все население исправительных учреждений.

Накопившийся в тюремной субкультуре потенциал привел ее к новой качественной трансформации к середине XX века. Выработанные ею социальные стандарты окончательно приобрели свойство отрицания норм и правил, характерных для нормального человеческого общества. Этому способствовали несколько условий. Первым является размах репрессий, осуществляемых против своих граждан советским государством на протяжении практически всего XX столетия. Максимум числа лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы, пришелся на 1950 г. – в лагерях и тюрьмах находилось одновременно 2 миллиона 756 тысяч человек (примечательно, между прочим, то, что в период вступления нашей страны в «эпоху демократических реформ» число осужденных при сокращении населения страны почти в 2 раза (за счет отделения союзных республик и депопуляционных процессов) изменилось ненамного: максимум числа осужденных в новой России отмечен в 2000 году – 1 миллион 64 тысячи человек). Подчеркнем, что эти данные касаются статичного измерения, без учета процесса миграции тюремного населения. В целом же к концу XX века примерно каждый четвертый мужчина в России имел опыт лишения свободы [19]. Таким образом, в течение длительного исторического промежутка в России наблюдалась беспрецедентно высокая концентрация осужденных в местах лишения свободы, что привело к тому, что к концу XX века система неформальных норм, характерных для тюремного сообщества, значительно расширила свою социальную базу, что позволяет говорить о существовании самостоятельного криминального «субэтноса» [13]. К исходу XX века произошел переход

количественных изменений в качественные: в местах лишения свободы окончательно сформировалась уникальная тюремная субкультура.

Значительную роль в ее развитии и становлении сыграло также существование в СССР (впоследствии – в Российской Федерации) отрядной (а не камерной) системы содержания заключенных. При этом «политические осужденные оказались вовлечены в криминальную, уголовную среду и помимо своей воли были вынуждены приспосабливаться к новым для них правилам и образу жизни» [18, с. 59]. Изначально целью отрядной системы являлось объединение осужденных в положительно направленные общности [12]. Реально же отрядная система привела к конвергенции культурных ценностей представителей различных слоев общества. Исследователи связывают с этими процессами такие явления, как идеологизация воровского движения, мифологизация преступной жизни, появление социальной группы «воров в законе», выработка «кодекса вора» и т. п. Считается, что содержание в местах лишения свободы представителей интеллектуальной элиты общества (духовенство, дворяне, ученые, философы, белые офицеры) дало пассионарный импульс развитию тюремной субкультуры [15].

Очень важным фактором, способствующим негативной качественной трансформации тюремной субкультуры, явились итоги эксперимента по глобальной перестройке системы исполнения наказаний, проведенной в 1961–1963 гг. Решения XXII съезда КПСС провозглашали построение коммунизма в 1980 году, которое было невозможно без воспитания нового человека. Организованная преступность оценивалась при этом как явление, свойственное исключительно уходящей капиталистической общественно-экономической формации. Исходя из положений марксистско-ленинского социального учения, основная цель наказания заключалась в перевоспитании преступников. Считалось, что «режим и условия отбывания наказания должны отвечать педагогическим требованиям и способствовать нравственной перестройке сознания преступников» [5, с. 12]. Однако меры, предпринимаемые исходя из теоретических предпосылок (борьба с «ворами в законе», создание самодеятельных организаций осужденных с выделением т. н. «актива», разделение осужденных на категории в зависимости от их отношения к исправлению), не привели, как выяснилось, к ожидаемому результату – появлению нового человека. Усиливающаяся борьба между идеологией социалистического государства и антисоциальной идеологией преступно-

го мира, происходящая в замкнутом пространстве исправительных учреждений, выступила в роли мощного внутреннего импульса дальнейшего развития тюремной субкультуры. Преступный социум выработал систему ответных мер, в результате чего образовалась жесткая иерархическая структура, возникла система новых ритуалов и табу, в тюремную субкультуру было вовлечено большинство отбывающих наказание граждан [13].

Как считает Р. А. Ханипов, к концу этого периода своего развития тюремная субкультура приобрела черты истинной культуры [22]. В пенитенциарном пространстве завершился процесс формирования самостоятельного целого. Ныне тюремная субкультура уже не является подсистемой базовой культуры, она становится самостоятельной культурой. Это отражено в работах ученых, которые предпочитают вместо термина «тюремная субкультура» использовать выражение «тюремная культура».

А третья фаза развития тюремной субкультуры (синтез), пришедшаяся на конец XX века – начало XXI века, характеризуется тем, что «ее понятия, правила и устои вышли за пределы исправительных учреждений и активно осваивают новые пространства, внедряются в традиционную культуру нашего общества, вытесняя и заменяя ее» [13, с. 27]. Третья фаза по существу – это трансформация традиционной культуры общества под воздействием тюремной контркультуры, их слияние и взаимопроникновение, с появлением новых культурных проявлений.

Триггером указанного процесса исследователи считают расстрел «президентом Ельциным законной власти – верховного Совета и установления криминальной власти, когда уголовные авторитеты и (или) их представители стали губернаторами, мэрами, депутатами Госдумы, членами Совета Федераций или их советниками и консультантами, что вызвало легализацию и появление в политике и в экономике так называемых «новых воров в законе»²

В эту фазу своего развития тюремная субкультура инфильтрируется в традиционную культуру и модифицирует ее. С одной стороны, происходит криминализация российского общества, изменение нравов, лексики и мышления рядовых граждан России [13; 18]. С другой стороны, наблюдаются и изменения в самой «классической» тюремной субкультуре. В новых условиях ее жесткие нормы ослабли, стали подвержены размыванию и деградации [21]. В девяностые годы отмечается отток представителей организованной преступности в политику и легальный бизнес, появление «новых воров в законе». В обществе сблизились границы между

² Старков О. В. Криминальная субкультура: спецкурс. – М., Wolters Kluwer Russia, 2010. – С. 34.

моральным и аморальным, а также правомерным и преступным поведением.

Таким образом, в т. н. «святые девяностые» были созданы условия для развития организованной преступности, следствием чего явилась конвергенция организованной преступности и преступности экономической с образованием особого социального и уголовно-правового явления: «интрузивно-деструктивно-мимикрической преступности»³.

Как было сказано, указанное дает возможность некоторым ученым говорить о существовании не криминальной субкультуры (ядром которой является ее «концентрированный» вариант – тюремная субкультура), а целой криминальной культуры [22] как доминирующей культуры современного российского общества. «В условиях, когда традиционные ценности и нормы перестают разделяться большинством населения, наблюдается экспансия ценностей и норм преступного мира» [8, с. 3] и жить «по понятиям» начинают не только члены криминального сообщества, но и рядовые граждане страны [17].

В настоящее время большинством исследователей не подвергается сомнению факт, что пенитенциарная субкультура стремится овладеть новыми социо-культурными пространствами, а присущие ей нормы и ценности неуклонно распространяются на доминирующую культуру, российское общество и каждого человека в отдельности.

В качестве дополнительных катализаторов указанного процесса можно рассматривать: 1) крайне низкую вовлеченность осужденных в трудовую деятельность; 2) потерю пенитенциарной системой свойства закрытости из-за неконтролируемого использования осужденными сотовой связи и Интернета; 3) перенимание сотрудниками уголовно-исполнительной системы положений тюремной субкультуры; 4) пропаганду криминальных ценностей средствами массовой информации.

Из приведенного краткого обзора истории пенитенциарной субкультуры ясно, что в результате длительного культурогенеза она в настоящее время представляет собой нечто большее, чем просто субкультура общества, оформляясь как тождественная самой себе культура, и, следовательно, обладает свойствами, характерными для культуры. Как отмечают многие авторы, жить по законам криминальной субкультуры стали не только профессиональные преступники, но и рядовые граждане нашего общества [10; 13; 17].

Таким образом, «обретая свое собственное, независимое существование, тюремная субкультура распространяет свое влияние не только в рамках

тюрем, но также и за ее пределами» [4, с. 36], стремится к расширению своих границ, выходит за пределы пенитенциарной системы, захватывая новые социокультурные пространства. Она претендует на лидирующее положение в российском обществе, утверждая чуждые культуре социума ценности и нормы [3]. Можно отметить, что развитие пенитенциарной субкультуры подчинено законам диалектики с отчетливым выделением классических периодов гегелевской триады. При этом сам процесс развития является не линейным поступательным движением (последовательное освоение новых социо-культурных ареалов), а характеризуется качественными изменениями в социальной структуре коллективов осужденных и трансформацией их культурных ценностных установок.

Большой и малый циклы в эволюции пенитенциарной субкультуры

Кроме того, в рамках единого процесса эволюции тюремной субкультуры можно выделить 2 цикла. Мы называем их большим и малым. «Малый цикл» существует как бы внутри «большого цикла». Для «большого цикла» его фазы вполне очевидны. Первая – это вычленение тюремной субкультуры как специфической для страты социальных маргиналов, которую условно можно назвать группой «блатных-жиганов» (тезис). Такое название этой группы мы предлагаем в связи с тем, что до революции и в первые годы советской власти профессиональные преступники назывались жиганами, в дальнейшем – они получили название «блатных». Вторая фаза большого цикла развития тюремной субкультуры это – ее оформление как альтернативы базовой культуры общества (антитезис). А третья – это наблюдающееся с 90-х годов XX века формирование нового тотального культурного феномена: возникновение т.н. конвергированной культуры, которая характеризуется последовательным проникновением ценностей, мировосприятия и «философии» преступного мира в базовую культуру российского общества (синтез). В результате в качестве доминирующей культуры нашего общества некоторыми авторами начинает расцениваться криминальная субкультура [22].

Особенности «малого цикла» не вполне очевидны. Он, в отличие от большого, характеризуется не взаимоотношением базовой культуры и тюремной субкультуры в пределах глобального социо-культурного пространства. Этот цикл реализуется исключительно в т.н. пенитенциарном пространстве и заканчивается окончательным формированием тюремной субкультуры в его рамках. Здесь также

³ Овчинский А. С. Информационные воздействия и организованная преступность/ Курс лекций. – М., 2007. – 512 с.

наблюдается трехчленное строение малого цикла. Первая его фаза (тезис) – это, как и для большого цикла, – самоидентификация тюремной субкультуры, носителями которой выступала группа «блатных-жиганов». А далее в рамках борьбы с тем воздействием, которым подвергалось сообщество профессиональных преступников, содержащихся в местах лишения свободы, со стороны государства, реализующего коммунистические постулаты (в частности положения теоретического тезиса об отрицании преступности по мере продвижения к коммунизму), происходила дальнейшая метаморфоза тюремной субкультуры в пределах пенитенциарного пространства, которая окончательно оформилась как механизм жесткого противодействия действиям администрации исправительных учреждений (антитезис). Указанное выразилось, в частности, в формировании стратификационной структуры тюремного общества с образованием каст «воров», «мужиков», «опущенных» и «чертей», появлении «управляющего органа» организованной преступности (группа «воров в законе»), развитии сложной системы тюремных табу, правил поведения, символов и идеалов. Особенностью данной фазы является жесткое противостояние представителям правоохранительных органов и вовлечение практически 100% заключенных в тюремную субкультуру. Заключительная фаза описываемого процесса (синтез) выражается в том, что нормы тюремной субкультуры стали восприниматься как естественные сотрудниками исправительных учреждений. Как не требующими противодействия, мало того, удобными для управления коллективами осужденных. В эту заключительную фазу малого цикла произошло окончательное формирование пояса «черных зон» т.е. исправительных учреждений, в которых реальная (а не формальная) власть принадлежит «ворам в законе», «смотрящим», «поло-

женцам». Отношение к произошедшему выражено в словах министра юстиции Российской Федерации А. В. Коновалова: «удручает не просто субкультура, а целая культура, неподвластная, непрозрачная закону, которую создали представители преступного мира и сотрудники уголовно-исполнительной системы»⁴.

Выводы

1. Метаморфоза тюремной субкультуры в контексте ее взаимодействия с традиционной культурой общества характеризуется качественными изменениями, в которых условно можно выделить 3 фазы, соответствующие диалектической триаде «тезис-антитезис-синтез».

2. Существенными факторами, воздействующими на особенности развития тюремной субкультуры в нашей стране, явились:

- беспрецедентно высокая численность осужденных;
- массовое поступление в пенитенциарную систему в первые годы советской власти пассивариив – представителей дворянства, духовенства, интеллигентной элиты;
- отрядная система содержания осужденных;
- неудачные итоги проведенного в 60-х годах XX века эксперимента по реформированию уголовно-исполнительной системы;
- негативные последствия экономических и социальных реформ 90-х годов.

3. В рамках «большого цикла» развития тюремной субкультуры возможно выделить «малый цикл», который характерен для процессов, протекающих в т.н. «пенитенциарном пространстве» и касается взаимоотношений сотрудников пенитенциарных учреждений и осужденных. В этом цикле также можно выделить три фазы развития, характерных для диалектической триады.

Литература

1. Барабанов Н. П. Криминологическая и психологическая характеристика криминальной субкультуры осужденных // Уголовно-исполнительное право, 2014. – № 2. – С. 28–36.
2. Беляев И. А., Беляева Н. А. Культура, субкультура, контркультура // Духовность и государственность. Сборник научных статей. Выпуск 3; под ред. И. А. Беляева. – Оренбург: Филиал УрАГС в г. Оренбурге, 2002. – С. 5–18.
3. Иванова А. А. Криминальная культура как детерминант преступности // Всероссийский криминологический журнал. – 2017. – № 4. – С. 671–681.
4. Клейменова Е. Г. Тюремная субкультура как особый вид социального взаимодействия // Вестник удмуртского университета. Серия Философия. Социология. Психология. Педагогика. – 2012. – № 3. – С. 33–37.
5. Кузьмин С. И. Становление и развитие криминальной субкультуры в России // Вестник института: преступление, наказание, исправление. – 2018. – № 3. – С. 9–16.
6. Кузьмин С. И., Малетина Е. А. Классификация субкультурных отношений в криминальном сообществе.

⁴ Коновалов А. В. Коррупцию во ФСИН искоренить не удастся [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://video.vefire.ru/Konovarov_Korruptsiyu_vo_FSN_iskorenit_ne_udaetsya-v590410409 (дата обращения 11.09.2020).

шестве // Вестник института: преступление, наказание, исправление. – 2019. – Т. 13. – № 1. – С. 21–28.

7. Лысак И. В., Черкасова Ю. Ю. Методологические проблемы исследования тюремной субкультуры // Гуманитарные и социально-экономические науки 2008. – № 5. – С. 81–85.

8. Лысак И. В., Черкасова Ю. Ю. Тюремная субкультура в России/ Таганрог: Изд-во ТРТУ, 2006. – 112 с.

9. Некрасов А. П., Кондрат И. Н., Третьяков И. П. Субкультура в местах лишения свободы и историческое ее развитие // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – № 4 (28). – 2005. – С. 251–256.

10. Олейник А. Н. Тюремная субкультура в России: от повседневной жизни до государственной власти / М.: ИНФРА, 2001. – 418 с.

11. Пирожков В. Ф. Законы преступного мира молодежи (криминальная субкультура) / Тверь: ИПП «Приз», 1994. – 135 с.

12. Пищелко А. В., Сочивко Д. В. Реадаптация и ресоциализация / М., ПЕР СЭ. – 2003, – 208 с.

13. Пономарев С. Б. Криминальная субкультура с позиции этологии человека и теории систем: монография, 2017. – Изд ИжГТУ. – 146 с.

14. Пономарев С. Б., Половникова А. А., Тощий С. И., Чубаров А. Л. Синдром тюремной социальной депривации в молодом возрасте / Екатеринбург: УрО РАН, 2008. – 148 с.

15. Пономарев С. Б., Румянцев Н. В. Сущностное содержание тюремной субкультуры и пути противодействия ее распространению: монография. – Белгород: ООО «Эпицентр», 2020. – 97 с.

16. Самойлов Л. (Л. С. Клейн) Этнография лагеря // Советская этнография. 1990. – № 1. – С. 96–108.

17. Тайбаков А. А. Преступная субкультура // Социологические исследования. – 2001. – № 3. – С. 90–93.

18. Тищенко Н. В. История ГУЛАГа в современных кинотекстах // Вопросы культурологии. – 2010. – № 5. – С. 55–61.

19. Тищенко Н. В. Тюремная субкультура: понятие, характеристика, особенности // Вестник СГТУ. – 2013. – № 2 (70). – С. 229–233.

20. Тищенко Ю. Ю., Румянцев Н. В., Дугенец А. С., Анфиногенов В. А. [и др.] Современное состояние пенитенциарной субкультуры в среде осужденных, содержащихся в исправительных колониях: аналитический обзор. – М.: ФКУ НИИ ФСИН России, 2019. – 40 с.

21. Тулегенов В. В. Криминальная культура: понятие, структура и соотношение со смежными понятиями // Вестник Астраханского государственного технического университета. – 2005. – № 5(28). – С. 220–226.

22. Ханипов Р. А. Укорененность тюремных и криминальных практик в культуре современного российского общества // Мир России. – 2008. – № 3. – С. 132–148.

23. Шакирьянов М. М. Понятие субкультуры осужденных // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2011. – № 1. – С. 51–56.

24. Cohen A. Delinquent boys: The culture of the gang. – New York: Free Press, 1955. – 202 p.

References

1. Barabanov, N. P. (2014) [Criminological and psychological characteristics of the criminal subculture of convicts]. *Ugolovno-ispolnitelnoe pravo* [Criminal executive law]. Vol. 2, pp. 28–36. (In Russ.).

2. Belyaev, I. A., Belyaeva, N. A. (2002) [Culture, subculture, counterculture], *Duhovnost' i gosudarstvennost'*. *Sbornik nauchnykh statej* [Spirituality and statehood. Collection of scientific articles]. Vol. 3, pp. 5–18. (In Russ.).

3. Ivanova, A. A. (2017) [Criminal culture as a determinant of crime]. *Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal* [All-Russian criminological journal]. Vol. 4, pp. 671–681. (In Russ.).

4. Kleimenova, E. G. (2012) [Prison subculture as a special type of social interaction]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya filosofiya sociologiya psihologiya pedagogika* [Bulletin of the Udmurt University. Philosophy Series. Sociology. Psychology. Pedagogy]. Vol. 3, pp. 33–37. (In Russ.).

5. Kuzmin, S. I. (2018) [Formation and development of the criminal subculture in Russia]. *Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie* [Bulletin of the Institute: crime, punishment, correction]. Vol. 3, pp. 9–16. (In Russ.).

6. Kuzmin, S. I., Maletina, E. A. (2019) [Classification of subcultural relations in the criminal community]. *Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie* [Bulletin of the Institute: crime, punishment, correction]. V. 13, No. 1, pp. 21–28. (In Russ.).

7. Lysak, I. V., Cherkasova, Yu. Yu. (2008) [Methodological problems of the study of the prison subculture]. *Gumanitarnye i socialno-ehkonomicheskie nauki* [Humanities and socio-economic sciences]. Vol. 5, pp. 81–85. (In Russ.).

8. Lysak, I. V., Cherkasova, Yu. Yu. (2006) *Tyuremnaya subkultura v Rossii* [Prison subculture in Russia]. Taganrog: Publishing house of TRTU, 112 p.

9. Nekrasov, A. P., Kondrat, I. N., Tretyakov, I. P. (2005) [Subculture in places of confinement and its historical development]. *Vestnik Sankt-peterburgskogo universiteta MVD Rossii* [Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. Vol. 4 (28), pp. 251–256. (In Russ.).
10. Oleinik, A. N. (2001) *Tyuremnaya subkultura v Rossii ot povsednevnoj zhizni do gosudarstvennoj vlasti* [Prison subculture in Russia: from everyday life to state power]. Moscow: INFRA, 418 p. (In Russ.).
11. Pirozhkov, V. F. (1994) *Zakony prestupnogo mira molodezhi (kriminalnaya subkultura)* [The laws of the underworld of youth (criminal subculture)]. Tver: IPP Prize, 135 p.
12. Pischelko, A. V., Sochivko, D. V. (2003) *Readaptatsiya i resotsializatsiya* [Re-adaptation and resocialization]. Moscow, PER SE, 208 p.
13. Ponomarev, S. B. (2017) *Kriminalnaya subkultura s pozitsii ehtologii cheloveka i teorii sistem* [Criminal subculture from the perspective of human ethology and systems theory]. Publ. house. ISTU, 146 p.
14. Ponomarev, S. B., Polovnikova, A. A., Totitskiy, S. I., Chubarov, A. L. (2008) *Sindrom tyuremnoj socialnoj deprivatsii v molodom vozraste* [Syndrome of prison social deprivation at a young age]. Ekaterinburg: Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 148 p.
15. Ponomarev, S. B., Rummyantsev, N. V. (2020) *Sushchnostnoe sodержание tyuremnoj subkultury i puti protivodejstviya ee rasprostraneniyu* [The essential content of the prison subculture and ways to counter its spread]. Belgorod: Epicenter LLC, 97 p.
16. Samoilov, L. (L. S. Klein) (1990) [Ethnography of the camp]. *Sovetskaya ehtnografiya* [Soviet ethnography]. Vol. 1, pp. 96–108. (In Russ.).
17. Taybakov, A. A. (2001) [Criminal subculture]. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological research]. Vol. 3, pp. 90–93. (In Russ.).
18. Tishchenko, N. V. (2010) [The history of the GULAG in modern film texts]. *Voprosy kul'turologii* [Questions of cultural studies]. Vol. 5, pp. 55–61 (In Russ.).
19. Tishchenko, N. V. (2013) [Prison subculture: concept, characteristics, features]. *Vestnik SGTU* [Bulletin of SSTU]. Vol. 2 (70), pp. 229–233. (In Russ.).
20. Tishchenko, Yu. Yu., Rummyantsev, N. V., Duganets, A. S., Anfinogenov et al (2019) *Sovremennoe sostoyanie penitentsiarnoy subkultury v srede osuzhdennykh sodержashchihsya v ispravitelnykh koloniyah* [The current state of the penitentiary subculture among convicts held in correctional colonies: an analytical review]. Moscow: FKU NII FSIN of Russia, 40 p. (In Russ.).
21. Tulegenov, V. V. (2005) [Criminal culture: concept, structure and relationship with related concepts]. *Vestnik Astrahanskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta* [Bulletin of the Astrakhan State Technical University]. Vol. 2 (28), pp. 220–226. (In Russ.).
22. Khanipov, R. A. (2008) [The rootedness of prison and criminal practices in the culture of modern Russian society]. *Mir Rossii* [World of Russia]. Vol. 3, pp. 132–148. (In Russ.).
23. Shakiryanov, M. M. (2011) [The concept of the subculture of convicts]. *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii* [Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. Vol. 1, pp. 51–56. (In Russ.).
24. Cohen, A. (1955) *Delinquent boys: The culture of the gang*. New York: Free Press, 202 p.

Информация об авторах:

Сергей Борисович Пonomарёв, доктор медицинских наук, профессор, главный научный сотрудник филиала Федерального казенного учреждения «Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний», Ижевск, Россия

ORCID ID: 0000-0002-9936-0107, **Researcher ID:** I-2905-2018

e-mail: docmedsb@mail.ru

Геннадий Михайлович Тихонов, доктор философских наук, профессор кафедры общественных наук Ижевского государственного технического университета им. М. Т. Калашникова, Ижевск, Россия

ORCID ID: 0000-0003-1587-9065

e-mail: gtichonov@list.ru

Статья поступила в редакцию: 17.11.2020; принята в печать: 13.04.2021.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Information about the authors:

Sergey Borisovitch Ponomarev, Doctor of Medical Sciences, Professor, chief Researcher of the branch of the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Izhevsk, Russia

ORCID ID: 0000-0002-9936-0107, **Researcher ID:** I-2905-2018

e-mail: docmedsb@mail.ru

Gennady Mikhailovitch Tikhonov, Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Social sciences, Izhevsk State Technical University named after M.T. Kalashnikov, Izhevsk, Russia

ORCID ID: 0000-0003-1587-9065

e-mail: gtichonov@list.ru

The paper was submitted: 17.11.2020.

Accepted for publication: 13.04.2021.

The authors have read and approved the final manuscript.